

COLLEGIUM

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ВЫПУСК ПОСВЯЩЕН МИХАИЛУ БУЛГАКОВУ

1-2
1995

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР С. БУРАГО

Редакционный совет:

Ш. АБДУЛЛАЕВ (*Ташкент*)
А. БЕЛЕЦКИЙ (*Киев*)
Б. ГАСПАРОВ (*Нью-Йорк, США*)
А. ДОЛЬСКИЙ (*Санкт-Петербург*)
В. ЗУЕВ (*Москва*)
Л. ЛУТКОВСКИЙ (*Киев*)
Г. МЕЛЬНИКОВ (*Москва*)
М. МИЛЛЗ (*Айова, США*)
В. СКУРАТОВСКИЙ (*Киев*)
С. ШАТАЛОВ (*Донецк*)
Е. ШИРЯЕВ (*Москва*)

Редакционная коллегия:

Д. БУРАГО,
А. ГРИШУНИН,
П. ГРУШКО, Д. ЗАТОНСКИЙ,
Ю. ИЩЕНКО (*зам. главного редактора*),
С. КРЫМСКИЙ,
И. ЛАПИНСКИЙ,
Д. НАЛИВАЙКО,
М. ПЕТРОВСКИЙ,
Э. СОЛОВЕЙ,
М. ФЕДОСЮК,
Е. ЯГODOVСКАЯ

Технический редактор *Т. Березяк*
Компьютерный набор — *Е. Войтенко, О. Малышева, Н. Румянцев*
Компьютерная верстка — *О. Воробьев*

Адрес редакции:

Украина, 254119, Киев, ул. Мельникова, д. 36/1
Институт международных отношений
Киевского университета им. Тараса Шевченко,
кафедра украинского и русского языков

Телефоны: (044) 211-45-22
(044) 211-45-56
(044) 211-45-23

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС: 74272

Фонд гуманитарного развития «Collegium» • Киевская Академия Евробизнеса

Подписано в печать 23.12.94 г. Формат 70×100/16. Печать офсетная

Зах 5-2073 Киевская нотная фабрика 252655, Киев-80, ГСП Фрунзе 51-а

Журнал «Collegium» перерегистрирован
Госкомитетом Украины по делам издательств,
полиграфии и книгораспространения
6 июня 1994 г. (свидетельство серии КВ № 687)

© Collegium, 1994

COLLEGIUM

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
НАУЧНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ

Основан в 1993 году

ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ
КИЕВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. ТАРАСА ШЕВЧЕНКО

INTERNATIONAL
ARTS AND SCIENCES
JOURNAL

Founded in 1993

INSTITUTE
FOR INTERNATIONAL
RELATIONS
OF TARAS SHEVCHENKO
KIEV UNIVERSITY

2-3

КИЕВ

1994
(4-5)

KIEV

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

- П. Рикёр.* Терпимость, Нетерпимость, Неприемлемое. Перевод В. Андрушко 3
А. Белецкий. Язык — динамическая знаковая система 15
В. Малахов. Заметки и сновидения 20

ЯЗЫКИ И КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ МИРА

- И. Мележ-Модржеевский.* Греки и евреи. Предвзятость и заблуждение 49
Т. Шмелева. Речевой жанр: опыт общепилологического осмысления 57
Т. Матвеева. К лингвистической теории жанра 65

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ

- В. Фокс.* Стихи. Перевод Е. Ветровой 72
А. Черненко. Стихотворения 74
Б. Левит-Броун. О новизне в искусстве. Эссе 75
С. Носов. Стихотворения 82
И. Бельченко. Стихотворения 84

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. КРИТИКА

- В. Молодяков.* Валерий Брюсов и Вячеслав Иванов: окончание диалога (1914—1924) 85
Т. Смолярова. Категория становления в трудах А. Ф. Лосева и некоторые аспекты поэтики Мандельштама 101

КУЛЬТУРНЫЕ КОНТЕКСТЫ БУЛГАКОВА

- М. Новикова.* Что есть «покой»? 109
И. Булкина. Городской текст у Михаила Булгакова 117
С. Бурмистренко, Т. Rogozovskaya. Сорок семь дней из жизни города 124

CONTENTS

PHILOSOPHY OF LANGUAGE AND CULTURE

- P. Riquer.* Tolerance. Intolerance. Unacceptability 3
A. Beletsky. Language as the Dynamic Sign System 15
V. Malakhov. Notes and Dreams 20

LANGUAGES AND CULTURES OF WORLD PEOPLES

- I. Melezh-Modzheyevsky.* Greeks and Jews: Preconception and Error 49
T. Shmelyova. Genre of Speech: the Experience of General Philological Comprehension 57
T. Matveyeva. About the Linguistic Theory of Genre 65

FICTION

- V. Fox.* Poems. Translation by E. Vetrova 72
A. Chernenko. Poems 74
B. Levit-Broun. About the Novelty in Art. Essay 75
S. Nosov. Poems 82
N. Belchenko. Poems 84

LITERARY HISTORY AND CRITICISM

- V. Molodyakov.* Valery Brusov and Vyacheslav Ivanov: Finishing of the Dialogue (1914—1924) 85
T. Smolyarova. Category of Formation in the Works by A. F. Losev and some aspects of Mandelstam poetics 101

BULGAKOV CULTURAL CONTEXTS

- M. Novikova.* What is «the Rest»? 109
I. Bulkina. Urban Text in Mikhail Bulgakov Creation 117
S. Burmistrenko, T. Rogozovskaya. Forty-seven Days of the City Life 124

В. Э. Молодяков

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ И ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ: ОКОНЧАНИЕ ДИАЛОГА (1914—1924)

Личные и творческие взаимоотношения двух крупнейших поэтов Серебряного века Валерия Брюсова и Вячеслава Иванова уже не раз привлекали к себе внимание исследователей, так как без их пристального изучения невозможно сколько-нибудь цельно представить себе ни историю русского символизма, ни литературный процесс начала века в целом. Брюсов и Иванов принадлежали к разным поколениям символистов (парадоксально, что старший по возрасту Иванов был идеологом «младших») и во время внутрисимволистских споров (например, дискуссии о «мистическом анархизме») оказывались в противоположных лагерях, но в течение почти двадцати лет поддерживали дружеские отношения, знавшие периоды исключительной духовной близости, как в 1903—1905 гг. Брюсов и Иванов неоднократно обменивались стихотворными посланиями, писали друг о друге в критических статьях, вместе участвовали в различных литературных и издательских начинаниях. Сохранилась (к сожалению, не полностью) их обширная переписка. Наиболее значительная часть ее опубликована¹, но сейчас совершенно очевидна необходимость полной публикации этого исключительно важного эпистолярного корпуса. Предисловие С. С. Гречишкина, Н. В. Котрелева и А. В. Лаврова к публикации переписки и их комментарии к ней — наиболее подробное на настоящий день исследование отношений поэтов.

Однако эта история еще не написана до конца. Практически не изученным остается последнее десятилетие (1914—1924), отмеченное известным спадом отношений: редкими встречами во время Первой мировой войны, разностью позиций в отношении Октябрьской революции, четырехлетним пребыванием Иванова в Баку, а затем его отъездом в Италию. Невелики и «количественные» показатели: всего несколько писем, преимущественно «технического» характера, и одно стихотворное посвящение — от «Лиры и оси» (1914) до стихов Иванова на смерть Брюсова (1924). Правда, из этого вовсе не следует, что Брюсов и Иванов «забыли» друг о друге — диалог их продолжался непрерывно, хотя нередко и в косвенной форме — в схожих откликах на одни и те же события, в аллюзиях и реминисценциях, в разговорах с третьими лицами. Такого рода материалы или еще не опубликованы, или не введены в научный оборот. Настоящая работа основана в первую очередь на них, а обращение к изученным и опубликованным источникам диктуется лишь крайней необходимостью или полнотой картины. Другая цель работы — рассеять некоторые неверные представления, в частности об отри-

цательном отношении Брюсова к творчеству Иванова в послереволюционный период, а также о быстром и безоговорочном принятии им Октябрьской революции.

Точкой отсчета последнего периода отношений Брюсова и Иванова я избрал их обмен в январе 1914 г. стихотворными посланиями «Лира и ось». Выбор этот может показаться произвольным, но имеет свою внутреннюю логику. Это — последнее значительное звено их поэтической переписки, крайне важное как в литературном, так и в биографическом плане, причем практически не изученное. «Лира и ось» Иванова и Брюсова в общем контексте их поэзии и русской поэзии Серебряного века в целом требуют самостоятельного комплексного исследования. В настоящей работе я попытаюсь рассмотреть исключительно биографический подтекст стихотворений, без которого их адекватное восприятие и понимание, по существу, невозможно.

24 ноября 1913 года в Москве застрелилась молодая поэтесса Н. Г. Львова. Недоброжелатели поспешили обвинить в этой трагедии Брюсова, с которым Львова была в близких отношениях на протяжении полутора лет (этой точки зрения придерживались, в частности, Б. А. Садовской и В. Ф. Ходасевич). Однако изучение сохранившихся в отделе рукописей Российской государственной библиотеки (далее — РГБ) материалов, а именно: писем Львовой Брюсову*, писем ее брата А. Г. Львова Брюсову, ответного письма Брюсова А. Г. Львову и заметки «Правда о смерти Н. Г. Львовой (Моя исповедь)**», а также такого важного источника как стихи самой Львовой — приводит к совершенно противоположным выводам. Львова была истеричной душевнобольной женщиной, одержимой манией самоубийства и ничем не подкреплявшимися претензиями на исключительность, которые окончательно разрушили ее слабую психику.

Для Брюсова, искренне любившего Львову, ее самоубийство было огромным потрясением. Ведь именно он ввел ее в литературные круги, напечатал впервые ее стихи в таком авторитетном журнале как «Русская мысль» (1911, № 11), учил ее и помогал ей писать стихи и написал предисловие к единственной книге ее стихов, которое по неизвестным причинам было выброшено издателем из второго издания. Но еще более важно то, что он пытался отвратить ее от мыслей о самоубийстве и привить ей вкус к жизни, порой потворствуя ее болезненным желаниям. Когда же Львова застрелилась, оставив на имя Брюсова предсмертное письмо, которое было вручено адресату полицией, он испытал колоссальное нервное потрясение, вынудившее его срочно уехать из Москвы в санаторий доктора Максимовича под Ригой (Эдинбург, ныне — Дзинтари). Со стрессом, вызванным самоубийством Львовой, связывал Брюсов и начало своего пристрастия к наркотикам. Следует заметить, что история их взаимоотношений требует детального исследования, основанного прежде всего на документах и на тщательном сравнительном анализе воспоминаний современников, порой диаметрально противоречащих друг другу.

История самоубийства Львовой получила широкую огласку в прессе, не говоря уже о толках в околολитературной среде. Несомненно, в курсе

* РГБ. Ф. 386 (Брюсов В. Я.), карт. 93, ед. хр. 3—8.

** см.: «De visu», 1993. — № 2. — С. 5—11. В подготовленную А. В. Лавровым публикацию вошли письмо Брюсова А. А. Шестеркиной от 25 ноября 1913 г., письмо З. Н. Гиппиус и Д. С. Мережковского Брюсову от 14 декабря 1913 г., два письма А. Г. Львова Брюсову от 8 декабря 1913 г. и 11 января 1914 г., ответное письмо Брюсова от 27 февраля 1914 г. и его заметки. Публикация увидела свет уже после того, как настоящая работа была закончена.

всего был и Иванов, находившийся в это время в Москве. 7 января Брюсов послал Иванову из санатория записку:

7 января 1914

Майоренгоф (близ Риги)
Санаторий д-ра Максимовича

Дорогой Вячеслав!

Судьба не захотела, чтобы я воспользовался вполне твоей жизнью в Москве. Сначала она не позволила мне видеть тебя так часто, как я того желал бы. Теперь она увела на берег полузамерзшего Рижского залива. И верь мне, что то была судьба, а не мое небрежение. Все время я порывался чаще бывать у тебя, но не мог, — теперь это можно сказать. Когда выберусь отсюда, еще не знаю. Во всяком случае останусь здесь еще не меньше месяца. Теперь, как видишь, я вновь начал писать письма. Надеюсь скоро написать тебе письмо настоящее. Если ты улучишь полчаса написать мне, обрадуешь очень. Здесь писал стихи и ничего больше. Даже не исполнил очередных, обещанных работ. Но, может быть, то к лучшему.

И<оанна> М<атвеевна> и я кланяемся Вере Константиновне.
Всегда твой Валерий Брюсов².

Ответ Иванова также не публиковался до настоящего времени:

15 января 1914

Дорогой Валерий,

меня и тронули и обрадовали твои строки, память твоя и весть ответная на думы о тебе. Мне хотелось увидится с тобой до твоего отъезда, но я понял, что это невозможно. Рад, что ты стихи пишешь, но хочется посоветовать тебе не возвращаться скоро к очередным занятиям в привычном тебе темпе и не сокращать так сроков необходимого тебе отдыха вдали от здешней сутолоки. Мне предстоит несколько публичных выступлений и поездка (для лекции) в Петербург. Обнимаю тебя нежно и дружески кланяюсь Иоанне Матвеевне. Прилагаю стихи, написанные по получении твоего письма из Риги. Любящий тебя братски Вячеслав.

<Приписка на полях> Вера шлет обоим сердечный привет. В³.

К своему письму Иванов приложил два стихотворения «Лира» (14 января 1914) и «Ось» (11 января 1914), ставшие впоследствии двумя частями единого целого. Брюсов, уже немного оправившийся после пережитого и даже начавший писать в санатории стихи, отвечает ему парным посланием на ту же тему, написанным аналогичным размером. «Пленен, обрадован, тронут твоими стихами», — писал Брюсов 20 января 1914 г. (ЛН, с. 538). Интимный характер посланий был достаточно очевиден, поэтому Иванов, желая опубликовать их, спрашивал согласие Брюсова на посвящение: «Хотел бы написать посвящение «Валерию Брюсову», но в этом случае, ввиду того интимного, что содержат стихи, без твоего согласия и одобрения не смею и надписываю «другу-поэту». Но если бы ты был согласен на упоминание твоего имени, тогда уж печатай подряд «Ответ» — Вяч. Иванову. Твои стихи великолепны, и дуэт мне кажется и красивым и символически ярким» (30 января 1914; ЛН, с. 539). Все четыре стихотворения были опубликованы в третьей книге альманаха «Сирина атосбаеа», т. с. «Чередующиеся песни» (лат.), песни, исполняемые поочередно двумя певцами или хорами, а впоследствии вошли в сборник Брюсова («Семь цветов радуги») и Иванова («Свет вечерний»)⁴.

Общий тон послания Иванова — ободрительно-утешающий. Это — голос старшего друга и советчика; пожалуй, впервые за всю историю их отношений Иванов заявляет о себе как о «старшем», а не о «равном», напоминая Брюсову о грехе и Боге:

Есть Зевс над твердью — и в Эребе.
Отвес греха в пучину брось, —
От Бога в сердце к Богу в небе
Струной протянутая Ось
Поет «да будет» Отчей воле
В кромешной тьме и в небеси...

Но Иванов не только учит, но исподволь как бы и судит Брюсова, указуя ему путь ко спасению:

Ристатель! Коль у нижней меты
Квадриги звучной дрогнет ось,
Твори спасения обеты,
Бразды руби и путы сбрось.

Однако, глубоко уважая Иванова как поэта и ученого, и искренне любя его как друга, Брюсов вряд ли мог считать его для себя моральным авторитетом (вспомним, сколь чужда была Брюсову атмосфера ивановской «башни» и царивших на ней нравов).

Иванов фактически застиг Брюсова врасплох, в минуту слабости, столь тяжкую для этого сильного человека. Брюсовский ответ, формально повторяющий послание Иванова, конечно же, еще и «*tour de force*». Он принял брошенный ему чисто литературный, поэтический вызов. Он скромно писал Иванову о своем ответе: «смотри на него лишь как на письмо, хотя и в стихах, ибо соперничать с твоими они не смеют» (ЛН, с. 538), но мне это уничижение кажется не вполне искренним. Безупречный по форме ответ таит в себе не менее глубокое содержание. Это и сознание своего кризиса, своего поражения:

Под вошь веселый бури
Корабль мой сокрушен...
Да, так! Моя у нижней меты
Квадрига рухнула во прах
(первая редакция)

Но рядом с этим непреклонная решимость выстоять в борьбе с бедами и Роком (заветная брюсовская тема!).

И, не повергнут и не согнут,
Я стал у сломанной оси
Нет, я не выбуду из строя,
Но, силы ярые утroy,
Вновь вожжи туго закручу:
Уже на колеснице новой,
Длитель состязание готовый,
Стою, склоняю грудь, легу!

Брюсов уверял в силе своей воли, может быть, не столько друга, сколько самого себя — и сумел подняться после столь трудного душевного и нравственного испытания. Но здесь важно и вселивое неприятие ивановского «учительства» и снисхождения «старшего» к «младшему»:

Всем суждены крушения,
Кто поднял парус белый,
Кто в море вышел, смелый,
Искать земли иной!

Благих богов решения
Да славят эти песни:
Опасней и чудесней
Да будет жребий твой!

Все же через несколько месяцев после выхода альманаха «Сирин» с «Лирой и осью» началась Первая мировая война. Брюсов вскоре отправился на фронт в Польшу в качестве военного корреспондента «Русских ведомостей». Деятельность его в этом качестве также не изучена в достаточной мере, не переизданы и его военные корреспонденции (более ста), имеющие огромную историческую ценность. Сам автор хотел выпустить их отдельной книгой под заглавием «На театре военных действий. Корреспонденции. Письма военного корреспондента из Польши 1914—1915 гг.»⁵, но этот замысел не был осуществлен.

Шовинистический угар первых месяцев войны не захватил ни Иванова, ни Брюсова, хотя они ни минуты не могли оставаться в стороне от происходящего. Иванов оценивал события с точки зрения своеобразного «неославянофильства», во многом разделяя взгляды о. С. Булгакова, В. Ф. Эрнана, о. П. Флоренского⁶. Смысл войны он видел в борьбе духовной славянской культуры с бездуховной тевтонской, когда оружием обеих сторон двигали не столько военные или политические расчеты, сколько верховная воля, определяющая исторические судьбы двух миров, двух культур. Война воспринималась как событие исключительно важное для развития русского национального самосознания, для духовного возрождения России (ср. заглавие известной работы Булгакова «Война и русское самосознание»). Как закономерную и исторически неизбежную борьбу славян с тевтонами и турками воспринял войну и Брюсов, причем, об исторической актуальности мусульманской угрозы Европе он писал еще в 1911 г. в стихотворении «Проснувшийся Восток». К этому добавлялась еще и имперская точка зрения Брюсова-«государственника», а также ощущение личной причастности к историческим событиям, которое и привело его в действующую армию. Определенная близость к идеям Иванова сказывается и в его военных корреспонденциях, в частности в статье «На Северном фронте» («Русские ведомости», 1914, № 235, 12 октября): «человек должен победить машину, душа — технику».

24 июля 1914 г. Московский литературно-художественный кружок провожал своего председателя Валерия Брюсова на фронт, а уже 19 августа появилась его первая корреспонденция с дороги. До января 1915 г. он, вероятнее всего, лично не встречался с Ивановым. 13 января в Литературно-художественном кружке был устроен ужин в честь вернувшихся временно с фронта Брюсова и С. С. Мамонтова, который обратился в честь Валерия Брюсова. «Вяч. Иванов напомнил присутствующим, что в настоящем году исполнилось 25 лет литературной деятельности Брюсова, охарактеризовал значение Брюсова и его поэзии в литературе, высказал пожелание, чтобы В. Я. скорее вернулся к своей музе и всецело отдался служению поэзии. Брюсов в ответной речи указал, что не время говорить о «лицах», о поэтах и поэзии, о юбилеях, когда совершаются великие события, когда помыслы всех и каждого обращены к будущему, к судьбам народа, богатством языка и образов которого питается поэт и живет литература. Если бы обстоятельства момента сложились так, что пришлось бы выбирать между поэзией и родиной, то пусть погибнет поэт и поэзия, а торжествует великая Россия, потому что наступит грядущее торжество родины и тогда явится поэт, достойный великого момента»⁷.

В марте 1915 г. Брюсов и Иванов откликаются на два исключительно важных военных события — освобождение Перемышля и бомбардировку

союзным флотом Стамбула со стороны Дарданелл. Брюсов принимал участие в операции по освобождению Перемышля с самого ее начала и регулярно посылал в газету корреспонденции (№ 62) экстр. прилож. (63, 66—68, 71, 73, 88). «Одному из первых мне удалось с товарищем проехать в освобожденный Пшемысль»⁸, — не без гордости вспоминал он впоследствии. Однако, в его поэзии это событие отражения не нашло.

Нельзя категорически утверждать, что Иванов следил за происходящим именно по брюсовским корреспонденциям (хотя их высоко ценили не только простые читатели, но и политики и дипломаты), но не знать и не помнить об участии своего друга в столь ответственных и трагических событиях он не мог. К освобожденному Перемышлю было приковано внимание всей России. Откликнулся на это историческое событие и Иванов стихотворением «Перемышль» (10 марта 1915 г.; опубликовано в «Русском слове» 22 марта 1915 г.; в сборники Иванова не включалось), мало отличающимся от других его «военных» стихов:

Из семи седмиц пред Пасхой ранней,
В новолунье, марта в день десятый,
Блавестом славы с поля браней,
Вешнею с небес грозой крылатой...

«Оперативность» отклика Иванова на освобождение Перемышля позднее вызвала ироническое замечание О.Цехновицера: «Вячеслав Иванов успевает написать стихи ... в тот самый день, когда была получена с фронта победная реляция»⁹ (т. е. 10 марта 1915 г.).

Отмечу, что это стихотворение, равно как и другие «военные» стихи Иванова, не включалось ни в одно из советских изданий.

Еще более символически была воспринята в России бомбардировка Стамбула, вызвавшая в памяти многих давние имперские и славянофильские мечты об «Олеговом щите» и «звоне цареградских колоколов». Иванов в стихотворении «Чаша святой Софии» (11 марта 1915 г.; опубликовано в «Русском слове» 22 марта 1915 г.; в сборники Иванова не включалось) видел в происходящем еще один акт мировой борьбы между Востоком и Западом, мусульманством и христианством.

Расступились древле чудом стены
В богзданном храме Византии;
С Чашею священник и с Дарами
В них вошел и скрылся от неверных.
Отпуска старинной литургии
Ждут, сменяясь православных роды.
Расступитесь, каменные плены!
Ты земле явись, Потир Софии!
За морем светает, за горами:
Схимники встают из недр пещерных
Солнцем ночи в дебрях Киммерии,
Крестоносных ратей воеводы.

Он вспоминает древнее христианское предание о литургии, шедшей в храме, когда в город ворвались турки. Когда они вошли в храм, священники удалились в алтарь, царские врата затворились и отворятся только тогда, когда христиане освободят Константинополь. Разумеется, Иванов вспомнил классическое «Пророчество» Тютчева, определившее «цареградскую» тему в русской поэзии на долгие годы, в том числе и в творчестве Брюсова. Константинополь издавна привлекал его внимание. Об исторической миссии России-освободительницы он писал еще в стихотворениях «Проблеск» (1900) и «Летом 1903» (1903). С особой силой зазвучала эта тема в марте 1915 г. в стихотворении «Туркам», «Отрывок»

(«Там, где Геллеспонта воды...») с демонстративным эпиграфом из Шиллера и «На бомбардировку Дарданелл» («Биржевые ведомости», 27 марта 1915 г.; «Песни жатвы. Тетрадь первая». М., 1915 г.; в советские издания не включались). В последнем он вспоминает то же предание, что и Иванов:

И священник, кончая строгий чин литургии,
Что четыре столетья назад прервана,
Возгласит на амвоне призванья святые,
И ответит толпа, коленопреклонена¹⁰.

Диалог поэтов продолжился осенью того же года. Известно, что переименование Петербурга в Петроград вызвало волну самых разноречивых откликов, включая довольно отрицательные. Не остались в стороне и поэты, «петербургская» тема вновь зазвучала в различных аспектах, а из нового потока стихов выделилась своего рода серия сонетов о Петербурге-Петрограде, среди которых стихи Бальмонта, Волошина, Иванова и Брюсова. Бальмонтский сонет вызвал к жизни ивановский «Ответ Бальмонту» («Любезен превращений маскарад...»; 1 июня 1915 г.) с совершенно недвусмысленной оценкой:

И хочет обновленная Россия
Славянским звуком славить «Петроград».

Аргументация Иванова примечательна как с содержательной, так и с формальной (трудные рифмы и т. д.) точки зрения:

Прилично ли, на память о хирурге,
Здоровому влачить больничный бинт?
Чем опол нас из голландских пинг
Наш медный Демиург?..

За день до того написал свой сонет на волновавшую поэтов тему и Брюсов. Его стихотворение «Петербург-Петроград-Петрополь» имеет посвящение «В ответ К. Бальмонту и Вяч. Иванову». Поскольку никакого другого сонета о Петербурге у Иванова в это время не было, можно предположить, что оба стихотворения — или продолжение личной беседы, или даже своего рода поэтическое соревнование, аналог «Лиры и оси». Сонеты написаны, очевидно, в ответ на слова, на точку зрения друг друга (бальмонтский сонет появился раньше). Однако Брюсова написанное стихотворение не удовлетворило. В отличие от «Лиры и оси», он «уступил» Иванову, а написанный им ответ так и остался неопубликованным и по сей день. Привожу его по беловому автографу, хранящемуся в отделе рукописей РГБ, в фонде Брюсова (ф. 386, карт. 11, ед. хр. 6, л. 52):

Верша пред миром подвиг демиурга
В Россию Петр преобразил Москву.
Громя врагов, законы естеству
Он полагал с могуществом теурга.

В нем жил дух Кесаря и дух Ликурга,
И дух Орфея — в грезу нязву
Он обратит пустынную Неву,
Над ней прозрев громады Петербурга.

Сказал — и вдруг все изменило вид:
Дворцы и храмы встали, лег гранит,
И мшистый остров скрыли дуб и тополь.

Нет! чужды чуду, вставшему из блат,
Голландский «Питер», как и русский «град»,
Ему к лицу — всемирное «Петрополь»!

Стихотворение написано в Москве, что подтверждает максимальную вероятность личного общения с Ивановым в эти дни.

Все приведенные факты свидетельствуют об интенсивном личном и заочном поэтическом диалоге Иванова и Брюсова в первый военный год и проясняют обстоятельства появления целого ряда стихотворений обоих поэтов. Следует отметить, что ни один из них не был указан даже в содержательном докладе проф. Х. Барэна (Олбани, США) о «военных» стихах Иванова на конференции в ИМЛИ в июне 1991 г., посвященной 125-летию со дня рождения Иванова.

1915—1916 гг. ознаменованы работой Иванова над переводами армянских поэтов, к которой его активно привлекал Брюсов. Этот вопрос исследован настолько основательно¹¹, что нет смысла останавливаться на нем подробнее в настоящей статье. 5 марта 1916 г. Иванов выступил с приветственной речью на вечере поэзии Брюсова в большой аудитории Политехнического музея. Под названием «О творчестве Валерия Брюсова» она была опубликована в газете «Утро России» 17 марта того же года. Это — итоговая ивановская оценка творчества Брюсова в предреволюционный период. Он отдает должное масштабности и исторической уже значимости сделанного другом: «...Его место в судьбах нашего художественного слова уже наметилось крупными и неизгладимыми линиями; дело, им совершенное, чрезвычайно по своей огромности, разносторонности и тесной связи со всей нашей современной жизнью и со всем нашим литературным преданием и владением». Особо отмечает Иванов «пафос фаталистического детерминизма», вероятно, памятуя о своей трактовке личности и творчества Брюсова в «Лире и оси» и о его ответе: «Брюсов-лирик — фаталист в своем восприятии земной жизни и жизни загробной, в переживаниях любви и страсти, в воспоминаниях о прошлом человечества и в гаданиях о временах грядущих...». Появление благожелательного отзыва со стороны такого авторитетного критика как Иванов контрастировало с общим довольно сдержанным, а подчас и откровенно негативным откликом на новую книгу Брюсова «Семь цветов радуги» (куда, кстати, вошли «военные» стихи и «Лира и ось») — от холодных статей М. Слонима, В. Ходасевича и К. Липскерова до развязной рецензии А. Полянина (псевдоним поэтессы С. Парнок). Иванов отнюдь не идеализировал творчество Брюсова этого, действительно кризисного периода, но и был далек от мысли о его «упадке» и т. д. Обстоятельства публикации речи в газете известны из опубликованных писем (ЛН, с. 539—540): Иванов предварительно послал Брюсову корректуру, просив согласия на публикацию и, в случае согласия, указания на те места, «которые тебе не по душе в этой попытке беглой синтетической характеристики». Брюсов сразу же согласился и с благодарностью принял статью друга: «Какое же может быть сомнение, что мне дорого все, что ты найдешь нужным сказать обо мне!»

Примерно в то же самое время Брюсов написал статью об Иванове для «Нового энциклопедического словаря» издательства Брокгауз-Ефрон, к сожалению, не включенную Н. А. Богомоловым и Н. В. Котрелевым в подготовленный ими том статей Брюсова о русской поэзии «Среди стихов. 1894—1924» (М., 1990). Жанр словарной статьи не предполагал подробного анализа, но Брюсов в рамках отведенного ему объема дал лаконичную и точную, исключительно высокую оценку творчеству Иванова.

Семнадцатый год стал важнейшей вехой в жизни обоих поэтов, которые восторженно приняли Февральскую революцию, свержение самодержавия. Поначалу они были едины и в воспевании свободы, и в призывах к единству (см. статью Брюсова «О новом русском гимне»), и

уже в «революционном оборончестве», напомнившем об антигеттонских настроениях осени 1914 г. Однако уже к середине лета надежды обоих на мирное развитие событий рухнули, а осень окончательно развеяла их. Иванов быстрее Брюсова разобрался в сущности Октября и недвусмысленно определил свое отношение к нему в серии статей и стихотворений. Наиболее известны из них «Песни смутного времени», напечатанные в журнале кадетской ориентации «Народоправство», который издавал давний литературный соратник Иванова Г. И. Чулков, и статья «Наш язык», вошедшая в сборник «Из глубины». Но в эти «дни буйственной слепоты» (тютчевское выражение, повторенное Брюсовым в книге «Семь цветов радуги») он пишет и другие, менее известные, но не менее значительные произведения, среди которых особенно выделяются статья «Революция и народное самоопределение» (декабрь 1917 г.) и стихотворение «Порочный круг» (6 декабря 1917 г.), не входившее в сборники Иванова, но успевшее проскользнуть в печать в условиях начинавшегося жестокого цензурного гнета. Иванов пишет: «Россия мечется без сознания. Очнется ли под учащаемыми ударами рокового молота, — того, что некогда, дробя стекло, ковал булат? Придет ли в себя? Не слишком ли поздно опомнится? Но, видно, только в тот час, когда она вспомнит о душе своей и о Боге, вспомнит о ней и Бог»¹². Иванов говорит о «безрелигиозности», «обмирщении» революции, видя в этом ее главную опасность и ее трагедию среди «одержимости и беспамятства»: «Мы сеяли забвение святынь, и вот — стоим перед всходами беспамятства столь глубокого, что самое слово «родина» кажется нам многозначным и ничего не говорящим сердцу символом, чужим именем, пустым звуком. Слишком дорогую цену давали мы судьбе за срытие мрачных развалин старого строя — и вот расплачиваемся за свободу ущербом независимости, за провозглашение общественной правды — невозможностью осуществить свободу, за самоутверждение в отрыве от целого — разложением единства, за ложное просвещение — одичанием, за безверие — бессилием»¹³. А в стихотворении с эпиграфом из второго послания Апостола Петра «Пес возвращается на свою блевотину, и вымытая свинья идет валяться в грязи» он выразил свою точку зрения с несвойственной его поэзии энергией, краткостью и решительностью:

Ругаясь над старой славой,
 Одно сберегли мы — бесславье;
 Покончив с родимой державой,
 Оставили — самодержавье...
 Все ново; да тот же в нас норов!
 Мы песенку тянем все ту же!
 Так дочиста вымытый боров
 В зловоннейшей хлюпает луже.

Однако, в 1918 г. под влиянием обстоятельств гневное непризнание сменяется полупризнанием и даже временным компромиссом с поступлением на советскую службу. Главного он по-прежнему решительно не принимал («И твой кумир поруган, Власть Народа, — как ветхих слав повержены столпы!») и со многими, перешедшими на сторону новой власти, решительно порвал, объединяясь в ее неприятии с тем же Чулковым. Но с Брюсовым его личные отношения почти не изменились. Исследовательница творчества Иванова Ольга Дешарт писала по этому поводу: «После революции 1917 г., несмотря на противоположность политических и поэтических исповеданий Брюсова и В. И., дружба не только оставалась прежней, но и Брюсов, казалось бы парадоксально, не переставал настаивать на участии В. И. в общей деятельности для

обновления новой культуры. Звал к общей работе, как когда-то звал для органического участия в редактировании «Весов». И как тогда В. И. не принципиально, но эмпирически отказывал <...> Обстоятельства всегда складывались так, что В. И. и Брюсов в работе и в быту оказывались вместе и не вместе»¹⁴. В целом эта характеристика верна, хотя и нуждается в существенных уточнениях. Главный недостаток написанного Дешарт — игнорирование сложного и противоречивого пути Брюсова после Октября и его отношения к революции.

Принято считать, что Брюсов быстро и без колебаний принял советскую власть. Действительно, он не выступал против нее ни как поэт, ни как публицист и уже к концу весны 1918 г. склонился к мысли о необходимости сотрудничества с ней (позднее, скажем, Блока или Андрея Белого). Но путь к этому сотрудничеству был весьма непростым и даже мучительным. Начиная с осени 1917 г., он испытывал серьезнейшие опасения за судьбы России, как государства, и русского народа в условиях продолжавшейся войны и жестокого кризиса власти на фоне надвигающейся экономической разрухи. Брюсов был совершенно лишен либерально-буржуазных иллюзий и не возлагал никаких надежд на созыв Учредительного собрания (подобное отношение к либералам у него выработалось еще в юности и особенно укрепилось в годы первой русской революции). Но Брюсов не видел в стране реальной политической силы, способной взять в свои руки всю полноту власти и сохранить в критических условиях целостность и независимость государства, вывести страну из кризиса. Он давно присматривался к Ленину (своему оппоненту 1905 года), но это был прежде всего уважительный интерес к одному из «любимцев веков», сильной личности вроде Цезаря или Александра Великого, только живущей среди нас. Пессимистические настроения Брюсова не в последнюю очередь определялись продолжавшимся творческим кризисом, личными неурядицами и просто пошатнувшимся от непомерной работы и нервного напряжения здоровьем. 3 января 1918 г. он пишет:

Шел бы к мукам вновь, большим и малым,
Чтоб всегда лишь дрожью дорожить,
Чтоб стоять, как здесь я жду, — усталым,
Но готовым вновь — страдать и жить!

Страдать пришлось немало. Три дня спустя он получил известие о разгоне Учредительного собрания, которое повергло его в уныние и тревогу. Надежды на мирный исход и примирение опять стали призрачными. Он пишет ряд стихотворений («Страшных зрелищ зрителями мы...», «Джины», «Рушатся царства. Народы охвачены...»), которые увидели свет только в наши дни¹⁴. В них отразились как неприятие происходящего, так и известная растерянность, но относительно сущности новой власти никаких иллюзий у поэта не было. И здесь гораздо больше сходства с позицией того же Иванова, нежели отличий.

Однако весна 1918 г. (так называемый период «триумфального шествия советской власти») однозначно показала, что большевики являются единственной политической силой в России, способной реально сохранить территориально-государственную целостность страны. Надежды на возвращение к прошлому стали казаться пустыми, хотя наиболее дальновидные аналитики предчувствовали неизбежность скорой гражданской войны. Именно в это время Брюсов сделал свой выбор и решительно перешел на сторону большевиков. Но это было вызвано не поисками выгод или руководящего положения в литературе (в чем Брюсов не нуждался как в силу своего таланта, так и в силу своего авторитета), ни

тем более принятием Брюсовым большевистской идеологии. Это был глубоко геополитический компромисс¹⁵. Следует отметить, что в принятии Брюсовым новой власти немалую роль сыграло и осознание революции как сугубо национального события, воплощения российского государственного и народного мессианизма, что особенно отразилось в стихах сборника «В такие дни» (1921), например «Только русский» и «К русской революции». Советские исследователи старались не акцентировать внимание на этом моменте, но акценты расставила сама история: патриотическая лирика Брюсова (включая и стихи периода Первой мировой войны) пережила свое второе рождение в годы Великой Отечественной. А. С. Мясников справедливо отмечал: «Брюсов преисполнен национальной гордости <...> Нисколько не отрицая значения мировой культуры, Брюсов приветствует развитие национальных начал русской культуры»¹⁶. Это естественно и органично для него, но осталось чуждым тому же Иванову, ставившему религиозную идею выше имперской или национальной.

Выбор Брюсова вызвал ненависть многих, в том числе бывших друзей и соратников (Д. С. Мережковский и З. Н. Гиппиус, И. А. Бунин, Ф. К. Сологуб и др.), но отношения с Ивановым оставались дружескими, хотя и не такими близкими, как в середине 1900-х годов. Решительно различался и круг их общения: Брюсов активно сближается с молодежью, объединившейся в союз поэтов. Иванов замыкается в узком кругу друзей («Зубовская пустынь», по выражению В. А. Меркурьевой), практически не участвуя в делах новой власти. Встречаются поэты, как правило, на литературных вечерах да в студии стиховедения на Молчановке, действовавшей весной 1918 г. Брюсов был ее основателем и основным преподавателем, читая курсы метрики и ритмики. К работе в студии он привлек многих известных писателей, в том числе Вячеслава Иванова¹⁷. Добавлю, что именно в это время дочь Иванова Лидия, талантливый композитор, сближается с сестрой Брюсова Надеждой, известным историком и теоретиком музыкального искусства.

Послереволюционные годы — время решительной переоценки Брюсовым значения символизма и творчества своих бывших соратников. Он дает уничтожающие оценки творчеству З. Н. Гиппиус и К. Д. Бальмонта, холодно-равнодушно оценивает книги А. А. Блока, А. Белого, Ф. К. Сологуба, уничтожающе-презрительно отзываясь о многочисленных эпигонах школы¹⁸. На этом фоне выделяются сдержанно-осторожные и в целом достаточно благожелательные оценки последних работ Иванова, поэмы «Младенчество» («Художественное слово», 1920, № 1) и трагедии «Прометей» (там же, № 2). В краткой и сухой рецензии на «Младенчество» Брюсов отмечал: «Величавость его прежнего стиля перешла в строгую простоту, еще далекую, однако, от разговорной речи по изысканности словаря и по сложности оборотов» (сравни со статьей 1914 г. для энциклопедического словаря). Рецензия на «Прометей» обстоятельна и более критична, однако и этот отзыв не может быть однозначно истолкован как отрицательный и «суровый», как это сделали С. С. Гречишкин, Н. В. Котрелев и А. В. Лавров в предисловии к публикации их переписки (ЛН, с. 432), а также в недавнее время Н. А. Богомолов в комментарии к книге «Среди стихов» (с. 702). Рецензия Брюсова содержит много глубоких и верных замечаний об античной и современной трагедии, а главный его упрек, адресованный автору, — несоответствие его построений подлинной античной культуре: «На какой же условности основана трагедия Вяч. Иванова? Прежде всего, не на воззрениях античного мира <...> Будь трагедия русского поэта поставлена в Афинском театре IV в. перед современниками Эсхила, они, вероятно, мало что поняли бы в ней,

сочли бы ее кощунственной и автора освистали бы». Общий тон брюсовских упреков достаточно решителен, но все они имеют исключительно эстетический, а не политический характер. Последний вообще не свойственен даже самым резким из послереволюционных брюсовских рецензий, и попытки Н. А. Богомолова в предисловии к указанной книге утверждать обратное (с. 28—29) выглядят по меньшей мере несостоятельно. Строго разбирая чисто художественные достоинства и недостатки произведения Иванова, Брюсов старался ни в коей мере не бросить на него тень (чем не без удовольствия занимался, скажем, С. Бобров, не говоря уже о «пролеткультовских», а потом и РАППовских критиках). Следует напомнить, что в 1923 г. Брюсов поместил в весьма официозном журнале «Печать и революция» (№ 3) панегирическую статью о Н. С. Гумилеве «Суд акмеиста» и в том же году предлагал издать в Госиздате сочинения В. В. Розанова¹⁹. Добавлю, что и в «Художественном слове», журнале Наркомпроса, который редактировал Брюсов, были напечатаны стихи Иванова, причем такое не вполне «благонадежное» его произведение как «Зимние сонеты». Таким образом, вывод об однозначно отрицательном отношении Брюсова к творчеству Иванова в послереволюционные годы должен быть признан неверным, на что кстати еще в 1978 г. справедливо указал С. И. Гиндин²⁰.

В 1920 г. Иванов уехал преподавать в Бакинский университет, и личное общение поэтов прерывается на четыре года. В Баку Иванов почти не пишет стихов, а занят преимущественно преподавательской и научной работой²¹. О Брюсове он однако не забывает, но и в эти годы его оценки весьма двойственны. Дневник его ученика, впоследствии известного советского филолога М. С. Альтмана²², сохранил немало и положительных, и отрицательных отзывов Иванова о Брюсове-человеке. Что же касается поздних поэтических исканий Брюсова, с которыми связан новый подъем в его творчестве, то они остались полностью чужды Иванову. Лишь один раз за эти годы он высказался о Брюсове в печати — в статье «О новейших теоретических исканиях в области художественного слова», напечатанной в специальном и малоизвестном журнале «Научные известия академического центра Наркомпроса» (М., 1922. — Вып. 2. — С. 164—181; перепечатано: Иванов Вяч. Собрание сочинений. Т. IV. — Брюссель, 1986. — С. 633—650). Автор сдержанно-благожелательно оценил брюсовскую «Науку о стихе» (1919), сделав ряд критических замечаний, и упрекал «Опыты» (1918) в «модернистических вывертах» и «стихотворческом спорте»: «...рядом с истинным Брюсовым, Брюсовым-поэтом <...> холодный «грамматик»...» (с. 642). Для полноты картины добавлю, что в том же 1922 году Брюсов вновь упомянул об Иванове в обзорной статье «Вчера, сегодня и завтра русской поэзии», отнеся его творчество вместе со всеми остальными символистами (в том числе и с собственными книгами до «Последние мечты» включительно) ко «вчерашнему дню». По существу, он пишет только, что «на уровне прежних достижений остается и Вячеслав Иванов, хотя ни его поэма «Младенчество» (1918), ни драма «Прометей» (1919), ни «Зимние сонеты» (1924) не прибавляют ничего нового к его образу как поэта» (впервые: «Печать и революция», 1922. — № 7).

Интересно, что образ Иванова возникает в эти годы в стихах Брюсова, причем не в форме традиционного адресата дружеского послания, но одного из лирических героев поэмы «Дом видений» (17 апреля 1921 г.; напечатано в сборнике 1922 г. «Миг»). Это — вершина позднего творчества Брюсова, квинтэссенция идей и образов его поэзии в целом, присутствующих в виде знаков в небольшой (85 строк), но до предела

насыщенной поэме. Полный ее анализ, а также выяснение ее роли в творчестве Брюсова в целом не входят в задачу настоящей работы (это — тема специального исследования), остановлюсь лишь на содержащемся в ней портрете Иванова, предварив его началом самой поэмы:

Видениями населенный дом,
Моя, растущая, как башня, память!
(выделено мной — В.М.)

Почти все знаки поэмы имеют несколько равноправных значений (например, Юлиан Отступник — это и символ эпохи борьбы язычества с христианством, издавна привлекавшей Брюсова, и отсылка к роману Мережковского, оказавшего в свое время глубокое впечатление на молодого Брюсова). «Башня» — это, конечно, и Вавилонская башня, и «башня из слоновой кости», и знаменитая «башня» Вячеслава Иванова. Биографический и автобиографический подтексты задаются с первых же строк и поддерживается на всем протяжении поэмы.

В померкшей зале темной башни
Тишь теперь.
На бархатном престоле зоркий зверь,
Привычный председатель оргий,
Глаза прищуря, дремлет, пресыщен;
Окончив спор, лишь тень — Сократ и Горгий...

Коль скоро речь идет о «башне» Иванова, то «зоркий зверь» — без сомнения, ее хозяин. К моменту написания поэмы знаменитая квартира Иванова давно была им покинута, но воспоминание о ней оставалось живым и ярким для всех, кто хоть раз побывал там. «Зоркость» — в плане духовном и психологическом — одна из важнейших черт Иванова, которому даже приходилось оправдываться в одном из стихотворений: «не искунитель — испытатель». «Сократ и Горгий» — и воспоминание о постоянных спорах на башне, и несомненный знак эллинизма, указывающий на основную сферу литературных и научных интересов Иванова. Но все это для Брюсова уже — «призраки, навск сомкнувшие уста».

Говоря об ивановских реминисценциях в поздней поэзии Брюсова, упомяну еще о стихотворении «Прибой поколений» (1923; вошло в сборник 1924 года «Меа», но из-за упоминания имени Троцкого позднее не перепечатывалось). В качестве одного из источников Брюсов сам указывал в примечаниях строку Иванова «Прибоем поколений подмыв обрывы тайн»²³.

В 1922 и 1923 гг. Брюсов звал Иванова из Баку в Москву, предлагая ему работу в столице. Подробностей мы не знаем, так как сохранились только ответные письма Иванова от 18 июня 1922 г.; 12 июля 1923 г. (опубликованы: ЛН, с. 541—543). Письма Брюсова Иванову за 1917—1924 гг. до нас не дошли (ЛН, с. 433), нет писем Брюсова и в римском архиве Иванова.

Пространные письма Иванова написаны в исключительно дружеском тоне. Он подробно повествует о своей жизни и работе, и вежливо, но решительно отказывается от предложений: «Дорогой Валерий, благодарю тебя за твой дружеский зов, за твои настояния, чтобы я вернулся в Москву. Не могу! Здесь, как-никак, я все же хоть на юге <...> Отозваться на твои литературные приглашения я не могу: ничего не пишу я после Москвы, ничего вовсе» (18 июня 1922 г.); «Дорогой Валерий, опять слышу твой дружеский зов — в Москву, к совместной работе. Но, милый, верный, старый друг, оставь меня и моих на юге. Дай еще погреться под

субтропическим солнцем, на которое я не жалею и в пору здешнего зноя. Синее Хвалынское море смягчает его яркость <...> Я занимаюсь здесь тем, чем стал бы заниматься и в Москве, окруженный учениками, среди которых есть и такие, что не жаль работы, им отданной <...> Здесь меня крепко держат, да я и сам не стремлюсь покинуть Азербайджана. Разве что за границу — чтобы написать там прежде всего свою книгу об Эхиле...» (12 июля 1923 г.). Думаю, что главная причина была несколько иной, и Брюсов понял ее. Иванов следовал той логике, которую много лет спустя блестяще выразит Иосиф Бродский:

Если выпало в империи родиться,
Лучше жить в глухой провинции у моря.

В конце мая — начале июня 1924 г. состоялась их последняя встреча в Москве дома у Брюсова. Иванов приехал из Баку, чтобы выступить на торжественном заседании в Большом театре, посвященном 125-летию со дня рождения Пушкина, а по существу — для окончательного оформления своего отъезда в Италию. О встрече существуют рассказы двух ее свидетелей — В. А. Мануйлова и сына поэта Д. В. Иванова. Мануйлов вспоминал: «Разговор был очень значительный и ответственный <...> Вячеслав Иванов подошел сурово к Брюсову, поздоровался с ним и сказал приблизительно следующее: «Ну вот, видишь, Валерий, что ты сделал со всей жизнью, а главное со своим творческим даром», — и В. И. стал строго и гневно высказывать свое суждение о последних стихах Брюсова революционного периода: «Это не ты писал, писал, как если б это тебе было заказано. Но это не твои стихи, не твой голос» <...> Брюсов весь сжался. Он стал жалким, каким-то маленьким. Как будто действительно почувствовал свою вину. И он говорил, что теперь ничего уже нельзя изменить, что все уже сделано, жизнь почти решена. Он говорил о том, что задумал написать большую вещь, но какую именно не сказал: «Вот там я все выскажу, ты поймешь». Брюсов был в положении человека не обиженного, но раненого. Вячеслав Иванов не очень долго был у него. На прощание он сказал: «Нам нужно было повидаться, мы долго не виделись. Я хочу, чтоб ты знал, что я тебя любил и мне тебя очень, очень жалко»²⁴. Снова возникает столь знакомая нам интонация судьи и учителя, интонация «Лиры и Оси».

Дмитрий Вячеславович Иванов во время бесед со мной в июне-июле 1991 г. рассказывал следующее. Беседа поэтов, происходившая в саду дома Брюсова на Первой Мещанской имела исключительно дружеский и взаимоуважительный характер. Иванов действительно критически отзывался о позднем творчестве Брюсова, решительно не принимая его, прежде всего чисто формальных экспериментов. Вероятно, относилось это и к количественно немногочисленным и художественно неравноценным политическим стихам Брюсова последних лет. «Что ты сделал со своим талантом, Валерий?» — эта фраза вполне могла быть произнесена. Так говорил о последних, лучших книгах Брюсова не один Иванов, поэтому так понятны горечь и обида постаревшего и усталого поэта («Даже Вячеслав меня не понял»). «Брюсов сидел, подперев щеку ладонью, — вспоминал Д. В. Иванов, — и грустно смотрел на отца». Непонимание между ними было велико, велика была и горечь Брюсова, который сталкивался с этим непониманием в последние годы все чаще и чаще. По свидетельству Д. В. Иванова, не было осуждения со стороны Вячеслава Иванова, не было напряженности в беседе. Видимо, оба понимали, что встречаются в последний раз.

Вскоре Иванов уехал в Италию. В собрании сочинений (том IV), в разделе стихотворений, не вошедших в сборники, напечатан не вполне понятный и непрокомментированный текст, отнесенный редакторами к 1924 году:

Брюсову

Странником старца меня у ворот седмихолмного Рима
Предначертала судьба, — зоркий художник явил.
Исканий труд и свет,
И горечь долгих дней —
Художнику привет,
Ловцу моих теней. (С. 93).

9 октября 1924 г. Брюсов умер. И. М. Брюсова написала Иванову в Рим о последних днях мужа и попросила «написать <...> молитву, современную молитву» за упокой его души. Ее письма, вероятно, хранятся в римском архиве Иванова, но мне они остались неизвестными. Известны и опубликованы два ответных письма Иванова от 19 октября и 30 ноября 1924 года, во втором из них — стихотворение «Как листья ветр — у Вечности преддверий...» (ЛН, с. 544—545). Приведу лишь одну цитату: «Не думал я никогда, что переживу Валерия. Он пророчил себе когда-то очень долгую жизнь, и я ему поверил. Как ни хворал он за последние годы, мысль о возможности скорого конца не приходила мне в голову. Нет Блока, нет Брюсова: наша старая группа уходит из нового мира...» (19 октября 1924 г.). Во втором письме он писал: «Молитва моя не хочет быть «современной», но кажется мне трагически своевременной», дословно повторив эти слова в своем дневнике 1 декабря 1924 г., опубликованном в комментариях О. Дешарт к третьему тому собрания сочинений Иванова. Переписав туда стихи памяти Брюсова, он, однако, добавляет: «Доломался, долгался, додурманился бедняга до макабрной пошлости «гражданских похорон», с квартетом, казенными речами и почетной стражей «ответственных работников» (с. 851). Эти жестокие и несправедливые слова до конца обнажают двойственное отношение Иванова к Брюсову даже после его смерти и вызывают сомнения в искренности его писем И. М. Брюсовой. Допускает двойное прочтение и его «молитва». Лично я считаю ключевые строки стихотворения «И в строгий, нелюбезный час // Я о душе твоей молюсь, Валерий» — свидетельством примирения, хотя и здесь Иванов не отказывается от позиции, заявленной в «Лире и оси». Возможно и другое толкование: Иванов как добрый христианин молится за душу даже такого великого грешника как Брюсов, не оправдывая и не прощая его (указано Н. И. Базиным). Сложное отношение Брюсова к христианству общеизвестно, но было бы неосторожным идеализировать и ортодоксальность христианства «эллиниста» Иванова. Так или иначе, римские стихи и письма Иванова стали последней репликой в диалоге двух поэтов.

История многолетних отношений Валерия Брюсова и Вячеслава Иванова, знавших периоды глубокой и искренней близости и столь же глубокого непонимания, — это по существу сама история русского Серебряного века. Ее последняя глава пришлась на великое и трагическое десятилетие, и была она не менее драматичной и насыщенной, чем предыдущие. Поэтому без изучения окончания их диалога невозможно понимание многих существенных особенностей литературного процесса эпохи в целом. Споры о значении обоих поэтов уже, думаю, в прошлом, мало за продолжением обстоятельных и детальных исследований.

Считаю своим долгом выразить благодарность Д. В. Иванову, М. П. Лещину и А. Б. Шишкину за ценные советы и помощь в работе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. — М., — 1976. — С. 428—545, далее ссылки на это издание в тексте с указанием страницы: ЛН, с.; Брюсов и Армения. — Ереван, 1988. — Т. 1. — С. 285—290; Т. 2. — С. 109.

² РГБ, ф. 109 (Иванов В. И.), карт. 13, ед. хр. 85, л. 14.

³ РГБ, ф. 386, карт. 87, ед. хр. 5, л. 20.

⁴ Все стихотворения Иванова в настоящей работе цитируются без сносок по собранию сочинений, которое с 1971 г. выпускает брюссельское издательство «Жизнь с Богом» (издание продолжается); стихотворения Брюсова (за исключением «Лиры и оси») — по первым книжным публикациям ввиду отсутствия сколько-нибудь полного собрания его стихотворений, «Лиры и ось» (с вариантами) по изданию: Брюсов В. Собрание сочинений в 7 томах. Т. 2. — М., 1973. — С. 205—206, 439—440.

⁵ Запись в записной книжке. Опубликовано: Ашукин И. Валерий Брюсов в автобиографических записях, письмах, воспоминаниях... — М., 1929. — С. 327.

⁶ См. напр.: Шеррер Ю. Неославянофильство и германофобия. Владимир Францевич Эрн. — «Вопросы философии», 1989, № 9, С. 84—96.

⁷ Известия Литературно-художественного кружка. 1915. — № 10. — С. 39—40; см. также газетные сообщения.

⁸ Краткая автобиография (1923) — Валерию Брюсову. — М., 1924. — С. 15.

⁹ Цехновицер О. Литература и мировая война. 1914—1918. — М., 1938. — С. 99.

¹⁰ Подробный, хотя и весьма необъективный анализ «цареградской» темы в русской литературе XIX — начала XX веков дан О. Цехновицером в книге «Литература и мировая война 1914—1918», гл. II—IV.

¹¹ Сафразбекян Н. Р. И. Бунин, К. Бальмонт, В. Иванов, Ф. Сологуб — переводчики антологии «Поэзия Армении» // Брюсовские чтения 1966 года. — Ереван, 1968; Новые материалы об истории создания сборника «Поэзия Армении» // Литературная Армения. — 1965. — № 11.

¹² Иванов Вяч. Собрание сочинений. Т. III. Брюссель, 1981. — С. 354—355.

¹³ Там же. — С. 357.

¹⁴ Иванов Вяч. Собрание сочинений. Т. III. — С. 732. Брюсову и Иванову посвящены с. 707—733 комментарий О. Дешарт, но они практически не содержат неизвестных ранее фактов или материалов.

¹⁵ См.: Брюсов В. Стихотворения 1918—1921 гг. // De visu. — 1993. — № 4. (публ. В. Э. Молодякова).

¹⁶ См. подробнее: Молодяков В. Э. Геополитика Валерия Брюсова: неизвестные страницы // Библиография. — 1993. — № 3. Тема «Брюсов и большевизм: новый взгляд» был посвящен мой доклад на международном симпозиуме «Русский символизм и революция», проходившем в Гарньяно (Италия) в декабре 1993 г. Сборник докладов симпозиума в настоящее время готовится к печати в Милане.

¹⁷ Мясников А. Поэзия Брюсова. // Брюсов В. Избранные стихотворения. — М., 1945. — С. XXXVIII—XXXIX.

¹⁸ Брюсов В. Краткий курс науки о стихе. Часть первая. Частная метрика и ритмика русского языка. — М., 1919. — С. 5—6; Спасский С. Маяковский и его спутники. — Л., 1940. — С. 135.

¹⁹ Наиболее полное собрание статей Брюсова о поэзии: Брюсов В. Среди стихов. 1894—1924. Манифесты, статьи, рецензии. — М., 1990. Далее статьи Брюсова цитируются по этому изданию.

²⁰ Гроссман Л. Борьба за стиль. — М., 1927. — С. 284—285.

²¹ Вопросы литературы, 1978. — № 7. — С. 242—263.

²² См. подробнее: Котрелев П. В. Вяч. Иванов — профессор Бакинского университета // Уч. зап. Тартуского университета. Вып. 209. — Тарту, 1968. Труды по рус. и слав. филологии. XI. Литературовед.

²³ Алтман М. С. Из бесед с поэтом Вячеславом Ивановым (Баку, 1921 г.). Там же.

²⁴ Брюсов В. Меа. Собрание стихов 1922—1924. — М., 1924. — С. 99.

²⁵ Иванов Вяч. Собр. соч. Т. III. — С. 732—733. Эти воспоминания существуют в нескольких схожих вариантах (указано Е. Л. Белькинд).